

Артыкбаев А., Эсеналиев Т.Д., Исаков Ж.Ы.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Концепция глобализации, увлекшая в последнее десятилетие XX в. многих философов, социологов и экономистов, похоже, может принести немало сюрпризов не только ее создателям, но и всему современному обществоведению. Причина тому – весьма специфический характер самого понятия «глобализация» (на немецком – «Globalisierung», на английском – «globalization», на французском – «mondialisation»), которое изначально предполагает апелляцию к процессам, так или иначе охватывающим весь мир, все человеческое общество. Кроме того, глобализация априори позитивна, ибо движение к единству земной цивилизации по определению должно нести благо.

Это рассуждение может показаться чрезмерно абстрактным и не вполне убедительным. Между тем весьма полезно критически оценить и те *тенденции*, которые, как сегодня считается, лежат в основе *глобализации*, и те *проблемы*, которые зачастую рассматриваются в качестве *глобальных*. О чем же в первую очередь говорят исследователи глобализации? Конечно, о развитии информационного обмена, о многократно возросшей международной экономической активности, о новой роли корпораций, которые иногда оказываются могущественнее отдельных государств, о симптоме «сжатия» мира, когда множество удаленных друг от друга цивилизаций при помощи современных средств коммуникации становятся как бы ближе. Отрицать наличие перечисленных тенденций бессмысленно, однако, и мы хотим это подчеркнуть, не все они *глобальны по своим предпосылкам*. Не вызывает сомнений лишь то, что данные процессы есть следствие хозяйственного и социального прогресса *западного мира*, прогресса, отчасти экспортируемого самим западным миром, отчасти копируемого в других странах.

О каких же проблемах принято говорить как о глобальных? В первую очередь это разрушение окружающей среды, демографический взрыв, распространение бедности и нищеты, рост национализма и религиозного фанатизма, упадок культуры и т.д. Названные процессы *отнюдь не глобальны по своим последствиям*. Катастрофическое запустение земель и смертоносные эпидемии, быстрый рост населения и одновременно его обнищание, межконфессиональная и межэтническая вражда – все это в основном наблюдается *на мировой периферии*. Так могут ли тенденции, порожденные в одной части мира, и проблемы, концентрирующиеся в другой его части, быть объединены общим понятием «глобализация»?

Как нам представляется, все это свидетельствует не о возникновении «единого мира», а о нарастающем *цивилизационном противостоянии*, в котором отчетливо оформились два полюса. Есть соблазн назвать их полюсами богатства и бедности, но данный подход столь же далеко уводит от истины, как и термин «глобализация». Поддерживая бедных и осуждая богатых, мы выступаем не только против той (довольно условной) несправедливости, которая

сделала бедных бедными, но и против очевидных достижений в экономике и производстве, приведших к обогащению богатых. И сегодня следует задуматься не о том, какая исходящая из развитых стран опасность нависла над мировой периферией, а скорее о том, какую опасность представляет сама эта периферия для развитого мира. Мы заявляем, что *современный мир не является глобализующимся, а единственная проблема, имеющая глобальный характер, – взаимодействие между «первым» миром и всеми другими*, т.е. между демократической постиндустриальной цивилизацией и традиционными социальными системами, где еще не сложилось подлинно гражданское общество.

В начале XXI в, когда распространение демократии и экономический рост кажутся неудержимым, а военная мощь западного мира – беспрецедентной, легко поверить в беспредельное доминирование постиндустриальных регионов над остальным человечеством. Собственно говоря, сегодня это доминирование нельзя считать иллюзорным — ведь не была же видением великая империя, две тысячи лет назад превратившая Средиземное море в *Mare interna*. Но эта держава пала уже через три столетия, погибла, не будучи побежденной врагами, но растворившись среди союзников. Нынешний *Rex Occidentum* не так уж далек от *Rex Romana*. Цивилизации, расположившейся на берегах нового *Mare interna*, которым стала северная часть Атлантического океана, угрожают сегодня те же опасности, что и империи цезарей. Не продолжая этих апокалиптических аналогий, перейдем к оценке того, насколько велики внутренние различия между мировым центром и периферией и какой угрозой для человечества они чреватые.

Глобализация — новомодный термин политического и экономического лексикона. Это явление — не только предмет сухих академических дискуссий. Споры на эту тему выливаются на площади и улицы. Сиэтл, Монреаль, Генуя — далеко не полный перечень городов, где дискуссии по проблемам глобализации приняли характер ожесточенных схваток демонстрантов с полицией. И поспорить, действительно, есть о чем. Какое будущее ждет человечество в результате глобализации? Именно в этом заключается сущность спора между глобалистами — сторонниками превращения планеты в единое мондиалистское экономическое, политическое и информационное пространство, управляемое мировой финансовой олигархией, и антиглобалистами, отстаивающими национальный суверенитет каждой страны, ее право распоряжаться собственными природными и интеллектуальными ресурсами.

Мы не считаем, что глобализация — это продукт конца XX-начала XXI века и является детищем научно-технической революции и информационных технологий. Мы согласны с теми исследователями, которые полагают, что в истории человечества было несколько волн глобализации.

Первая волна — конец XV — начало XVI века, была связана с эпохой великих географических открытий. Это была, так сказать, географическая глобализация. Ее результатом явилось формирование мировых колониальных империй. Они формировались почти исключительно насилием и кровью.

Первая волна глобализации уничтожала целые народы и самобытные, богатые культуры. Цивилизации ацтеков, майя, инков — первые жертвы глобализации. Тогда же произошла, наверное, первая в мировой истории «этническая чистка», которую провели в Северной Америке отцы-основатели либерализма — англичане, уничтожая коренных жителей континента.

Вторая волна глобализации была порождена промышленной революцией и появлением единого мирового пространства, созданного рынком и обменом. Обозначилось и углубилось неравенство между метрополиями и колониями, странами, которые впоследствии деликатно назовут «развивающимися». Если жители Великобритании и Индии на момент начала промышленной революции (1750 г.) находились примерно на одинаковом уровне развития, то к 1900 году уровень, на котором стояла Индия, равнялся примерно одной сотой части уровня Соединенного Королевства. «Долины Инда белеют костями хлопчаткачей», — так коротко и ясно характеризовал К. Маркс результаты второй волны глобализации. XX век углубил разрыв. Житель Швейцарии сегодня имеет доход в несколько сот раз превышающий доход уроженца Эфиопии. XXI век человечество встретило с более чем миллиардом людей, живущих в бедности.

Сейчас мир находится в самом начале третьей волны глобализации. Характеризуя ее сущность, французский ежемесячник «Монд дипломатик» писал: «Мир переживает новую эпоху завоеваний, которая пришла на смену колониальной. Но если прежде в качестве главных завоевателей выступали государства, то теперь ими стали частные промышленные и финансовые группы». Транснациональные корпорации, финансовый (сплошь и рядом виртуальный) капитал, информационные технологии взламывают границы между странами и народами.

Мир становится ареной господства мировой финансовой олигархии, не имеющей родины и отечества. Но одна граница становится все более высокой и прочной. Это — граница между странами «золотого миллиарда» и остальным человечеством, между немногочисленным, но богатым «Севером» и перенаселенным, но нищим «Югом». Возможна ли в принципе ликвидация неравенства между этими частями человечества? Мы полагаем, что при сохранении нынешних тенденций развития, образа жизни и мысли этих двух биполярных типов цивилизаций — нет.

Приведем данные известно американского футуролога Пола Кеннеди: «В США, где живет лишь 4% населения, потребление нефти равняется одной четверти ее мирового производства... Средний американец в течение жизни наносит вдвое больший ущерб, чем швед, втрое — чем итальянец, в 13 — чем бразилец, в 35 — чем индеец и в 280 раз, чем

житель Чада и Гаити, потому что уровень его потребления гораздо выше».

Отсюда ясно, что фукуямовская версия «конца истории», где человечество ожидает вселенское счастье, если оно примет либерализм в качестве руководства к действию в принципе неосуществима. Если все жители стран «изгоев» цивилизации начнут в соответствии с принципами либерализма производить, потреблять (и соответственно загрязнять планету) в 280 раз больше, чем сейчас, то нашу грешную землю ждет экологическая катастрофа.

Пролонгирование ситуации и реализация «демонстрационного эффекта» потребления стран «золотого миллиарда» — путь, ведущий к гибели всего живого на планете. Ясно и то, что предлагаемая современными глобалистами версия глобализации предполагает не что иное, как глобальную сегрегацию народов, делимых на богоизбранные страны «золотого миллиарда» и изгоев, на всесильный центр и бесправную, нищую периферию, на расу господ и расу париев мирового цивилизационного процесса. Как справедливо подчеркивает А.С. Панарин, «глобальные ресурсы для узко эгоистических интересов меньшинства — вот настоящее кредо глобализма».

Если не произойдет демократизация глобализации, если страны «золотого миллиарда» не захотят изменить, то есть умерить, свои эгоистические потребительские аппетиты, то мир ждет такая «схватка цивилизаций», по сравнению с которой трагические события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке покажутся невинной детской игрушкой.

Базовые ценности западного мира

Какое свойство европейской цивилизации радикальным образом отличает ее от других? Даже беглый анализ эволюции различных типов обществ позволяет дать однозначный ответ на этот вопрос: *динамизм* западного мира. Ни в одном регионе планеты со времени распада родового строя не сменилось столько общественных форм, как в Европе. Нигде трансформации социального порядка не происходили с такой быстротой, нигде многовариантность и темпы общественного прогресса не были столь высокими.

Почему же именно западное общество стало колыбелью современной постиндустриальной цивилизации? Не в последнюю очередь из-за специфики тех условий, в которых шел распад родовой общины и первичное классовое образование в Средиземноморье. В Греции, в ряде областей Передней Азии, в береговой части Италии и адриатического бассейна ведение хозяйства не требовало серьезных скоординированных усилий. Именно это обстоятельство «спасло» Европу от деспотической формы правления (в отличие от Востока, где необходимость ирригационного земледелия и отражения нападений кочевых племен требовала мобилизации огромных масс людей), именно благодаря ему у населения выработались те *религиозные, ценностные, социальные и политические* ориентации, которые через сотни лет в полной мере смогли реализоваться в постиндустриальных странах.

Религии европейцев — при всех различиях между ними — изначально включали в себя сходные эле-

менты. Боги европейцев выступали не как чуждое, враждебное к людям начало; вера в них требовала от человека скорее действий, нежели смирения и пассивности. Они имели человеческий облик и были наделены человеческими эмоциями и страстями. Эти боги спускались на землю, вмешивались в людские дела. Наконец, глубоко верующий человек сам мог возвыситься до божественного уровня. В этом – глубокое отличие европейских религий от восточных, ибо человек оказывался волен решать, следовать ли ему религиозным установлениям или нет; был свободен в отношении религии так же, как в отношении других людей. Иначе говоря, в религиозных верованиях в скрытой форме был заключен ценностный императив европейской культуры – принцип *индивидуализма*.

На нем базируется вся система европейских *ценностей*. В разные эпохи в понятие «индивидуализм» вкладывали различный смысл; в настоящей статье, говоря об индивидуализме европейцев, мы имеем в виду приоритет морального достоинства человека по отношению к любым группам или сообществам. Эта свобода – вовсе не безрассудство или каприз; напротив, человек становится индивидом только тогда, когда он способен отделить себя от социума и противопоставить себя ему, когда он осознает свои интересы и добивается их реализации во взаимодействии с другими людьми. *Индивид не существует вне общества, а общество не возникает до появления индивида*. Мы рассматриваем индивидуализм как принцип любого организованного общества, а социальные системы, основанные на его подавлении, – как переходную форму от родового строя. Индивидуализм неотделим от свободы; возможность свободного противопоставления индивида обществу предполагает и свободное делегирование

полномочий социальным институтам. Именно поэтому европейские государства в большинстве своем строились «снизу», тогда как азиатские деспотии – «сверху». В Европе социальное положение человека определялось его статусом члена общества; в Азии – принадлежностью к семье, клану, касте, племени. В Европе превыше всего ценилась свобода, в Азии – зависимость, подчинение; в Европе важнейшими качествами человека считались мобильность и изменчивость, в Азии – устойчивость и приверженность традициям. Именно индивидуализм в конечном счете определил исторические судьбы западного мира. *Социальные устои европейских обществ строятся на принципе универсализма*, в соответствии с которым права и свободы, изначально имманентные каждому индивиду, должны распространяться и на всех остальных, т.е. все члены общества равны. Данная идея, хоть и является производной от индивидуализма, завоевывала признание с гораздо большим трудом – ведь действия индивида нередко направлены как раз на то, чтобы превзойти других. Поэтому утверждение в Европе *принципа равенства* шло путем, в какой-то мере сходным с эволюцией европейских вероучений. В античности с ее политеизмом отношения внутри общества копировали отношения богов и смертных: было сообщество свободных и равных между собой граждан, у которых имелись и рабы, и слуги. Христианство с его монотеизмом постулировало равенство всех людей перед Богом. Принцип равенства, укрепившийся в сфере духовной, воплотился и в социальных установлениях. Таким образом, *расширение сферы действия принципа индивидуализма содействовало укоренению идеи равенства*, которая, в свою очередь, послужила основой принципиально нового политического устройства, свойственного именно европейскому миру.